

7. Коробова Т. Чи стане Рух “нормальною” партією? // День. – 1999. – 6 лютого.
8. Гаврилова І. Гасло “Будьмо разом!” Чорновіл адресував не однопартійцям, а владі // День. – 1999. – 10 березня.
9. Коробова Т., Гаврилова І. Рух Руху: від партії особистості - до партії особистостей // День. – 1999. – 2 березня.
10. Чи є життя після Банкової? // День. – 1999. – 2 квітня.
11. Піховшек В., Конончук С., Тимошенко Ю., Ганжа В. Політичний процес в Україні: сучасні тенденції та історичний контекст. – К., 1999. – С. 243.
12. Шеремета Е. Вячеслав Чорновіл не считает Юрия Костенко основным организатором “ГКЧП в Рухе”. А оппоненты лидера НРУ уверены, что только таким способом можно оживить застоявшееся народное движение // Факты и комментарии. – 1999. – 24 февраля.
13. Постников М. Незадолго до гибели лидера Народного Руха прозвучало символическое: “Если Рух споткнулся о Чорновола, он должен через Чорновола переступить” // Факты и комментарии. – 1999. – 10 апреля.
14. Дуцик Д. Чорні дні Чорновола // Україна молода. – 1999. – 20 лютого.
15. Дуцик Д. Чорні дні Чорновола тривають // Україна молода. – 1999. – 23 лютого.
16. Кіпіані В. Громадянська війна в Народному русі: одна партія - дві голови // Україна молода. – 1999. – 2 березня.
17. Дуцик Д., Кіпіані В. “Чорнотенко” чи “Костевіл”? // Україна молода. – 1999. – 3 березня.
18. Лиховій Д. Останній з могікан // Україна молода. – 1999. – 27 березня.

Романько О.В.

МУСУЛЬМАНСКИЕ ФОРМИРОВАНИЯ В ВЕРМАХТЕ И ВОЙСКАХ СС (1941 – 1945). К ВОПРОСУ О ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ СТАТУСЕ ИНОСТРАННЫХ ДОБРОВОЛЬЦЕВ В ГЕРМАНСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ

Постановка проблеми. Вопрос создания и использования иностранных добровольческих формирований в составе германских вооруженных сил является одним из самых сложных и противоречивых в истории второй мировой войны. До сих пор, несмотря на значительные демократические преобразования в нашем обществе, следует признать его недостаточную изученность, как в целом, так и при рассмотрении многочисленных аспектов этого вопроса. Одним из таких аспектов и является правовое положение иностранных добровольцев в составе германских вооруженных сил, точнее – их военно-политический статус, и те его изменения, которые по разным причинам происходили в период войны.

Связь темы с важными научными и практическими вопросами. Процесс создания и использования иностранных добровольческих формирований в составе германских вооруженных сил, а также их статус в этих вооруженных силах, является составной частью истории второй мировой войны, военно-политической истории Германии, ее вооруженных сил, а также тех стран, из числа представителей которых и были созданы эти формирования. Кроме того, следует сказать, что такая тема, как статус иностранных добровольцев, является исторической только с одной стороны. С другой же стороны она опирается в вопросы юридического характера, связанные с такой областью международного права, как правовое положение военнопленных, воюющих и невоюющих граждан за пределами их родины.

Что касается историографии данной проблемы, то ее фактически нет. В данном случае, введенный в научный оборот автором статьи документальный материал, методология исследования, а также теоретические выводы и обобщения являются приоритетными, как в мировой историографии проблемы иностранных добровольческих формирований в составе германских вооруженных

сил, так и в юридической литературе, затрагивающей правовое положение иностранных граждан в составе вооруженных сил другого государства.

В связи с этим, целью данного исследования является научное обоснование концепции того, что иностранные добровольческие формирования были отдельной категорией германских вооруженных сил. Не последнюю роль в этом и играл их статус, все изменения которого на протяжении войны и причины этих изменений показаны на примере мусульманских добровольческих формирований. Поэтому в статье были поставлены следующие исследовательские задачи:

- выявить статус каждой категории иностранных добровольческих формирований, как внутри этих формирований, так и в составе германских вооруженных сил;
- проанализировать политические и военные причины, которые привели иностранных добровольческие формирования к обладанию таким статусом;
- на примере мусульманских формирований показать динамику изменения статуса иностранных добровольцев в ходе войны, причины и признаки этих изменений.

Иностранные добровольческие формирования не были чем-то однородным. Они различались, как по времени и месту своего создания и использования, так и по функциональному назначению. Все это, несомненно, влияло на их политический и военный статус в системе германских вооруженных сил. Однако для каждой отдельной категории иностранных добровольческих формирований он не был одинаковым, а возрастал или понижался в зависимости от указанных критериев.

Главным критерием, от которого зависел статус того или иного иностранного добровольческого формирования в системе германских вооруженных сил вообще, а в частности, среди таких же иностранных формирований, была национальная

принадлежность его личного состава. В данном случае она была связана с субъективным пониманием германским военно-политическим руководством этнической истории данного народа и со степенью его «расовой чистоты» в глазах этого руководства.

Таким образом, согласно национальным или «расовым» критериям, среди иностранных добровольческих формирований можно выделить следующие категории [1]:

- I. Добровольцы из стран Западной и Северо-Западной Европы:
 1. Добровольцы – представители германских («нордических») народов;
 2. Добровольцы – представители негерманских народов;
- II. Добровольцы из граждан балканских государств:
 1. Хорваты;
 2. Формирования из албанцев, словенцев, сербов, черногорцев и греков;
- III. Добровольцы из граждан государств – союзников Германии: финны, венгры, румыны, итальянцы;
- IV. «Неевропейские добровольцы» – арабы и индийцы;
- V. «Восточные» добровольцы (из числа граждан СССР):
 1. Казаки, калмыки;
 2. Тюркские и кавказские добровольцы (представители народов Кавказа, Закавказья, Средней Азии, Казахстана, Поволжья, а также добровольцы из числа крымских татар);
 3. Латыши, эстонцы, литовцы;
 4. Русские, украинцы, белорусы.

Отдельную категорию составляли добровольцы из государств, которые не принимали участие в войне (Испания, Швейцария и Швеция), а также британские добровольцы.

Наиболее высокий статус в германских вооруженных силах имели боевые части иностранных добровольческих формирований, набранные среди европейских («нордических») народов. Добровольцы из их числа направлялись, прежде всего, в войска СС. Такое отношение к ним со стороны руководства этой организации было обусловлено планами нацистов относительно будущего «нового порядка» в Европе. Более того, рейхсфюрер СС Г. Гиммлер проявлял личную заинтересованность в привлечении максимально большего числа добровольцев из германских народов. В связи с этим ему приписывают такие слова: *«Мы должны привлечь к себе всю имеющуюся в мире нордическую кровь, дабы она не досталась нашему врагу, чтобы никогда больше нордическая или германская кровь не проливалась в борьбе против нас»* [2].

После начала войны с СССР, с осени 1941 г., в германских вооруженных силах начали создаваться формирования из числа «восточных» добровольцев. Одними из первых были созданы казачьи части. Подобное расположение к ним со стороны немецкого военно-политического руководства объяснялось легендарной, едва ли не ставшей мифической славой об их доблести и стойкости. Со временем казачьи части были приравнены по статусу к добровольческим формированиям из числа

германских народов. С целью обоснования подобного решения была даже разработана специальная идеологическая концепция, согласно которой казаки являлись потомками германского племени остготов, владевшего Причерноморьем во II – V вв. по Р.Х. Следовательно, казаков можно было отнести к народу «германского корня, сохраняющим прочные кровные связи со своей германской прародиной» [3].

Среди иностранных добровольческих частей, которые на протяжении всей войны имели неизменно высокий статус, следует назвать сформированный в сентябре 1942 – феврале 1943 г. Калмыцкий кавалерийский корпус. Согласно немецким архивным документам, это были «не просто вспомогательные войска немцев, а своеобразная союзная часть, союзники и боевые товарищи немецкого Рейха» [4]. По словам немецкого историка И. Хоффманна, такой высокий статус этого формирования объяснялся тем, что немцы причисляли калмыков к казачьим войскам [5].

Боевые и полицейские части, набранные среди славянских народов, как в Восточной Европе и на Балканах, так и в СССР, долгое время имели очень низкий статус. Что же касается добровольцев вспомогательной службы – «хиви» [6], – то они, практически до середины 1942 г., вообще не имели никакого статуса – согласно нормативным документам германских вооруженных сил их как бы вообще не существовало [7].

Среди всех добровольческих формирований, набранных из числа славянских народов, исключение делалось только для хорватских частей. Они пользовались у германского военного командования и политического руководства даже большим уважением, чем части таких союзников Германии, как Венгрия, Румыния или Италия [8]. Это можно объяснить тем, что Хорватия была действительно верным союзником Германии на протяжении всей войны. А также тем, что некоторые представители нацистского руководства считали хорватов, подобно казакам, не славянским, а германским народом [9].

Таким образом, среди основных причин, которые влияли на военный или политический статус того или иного добровольческого формирования в системе, как собственно иностранных добровольческих формирований, так и германских вооруженных сил, можно назвать следующие:

- национальная принадлежность личного состава добровольческого формирования (в германских нормативных документах эта принадлежность обычно подменялась «расовой чистотой»);
- политические цели, которые преследовало германское военно-политическое руководство в отношении того или иного народа;
- к какому роду войск германских вооруженных сил принадлежало добровольческое формирование;
- высокие боевые качества иностранного добровольческого формирования (в некоторых случаях они могли «перекрывать» даже национальную принадлежность его личного состава).

Следует сказать, что иногда эти причины действовали отдельно, однако обычно имел место их

МУСУЛЬМАНСКИЕ ФОРМИРОВАНИЯ В ВЕРМАХТЕ И ВОЙСКАХ СС (1941 – 1945). К ВОПРОСУ О ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ СТАТУСЕ ИНОСТРАННЫХ ДОБРОВОЛЬЦЕВ В ГЕРМАНСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ

комплекс.

Ни военный, ни политический статус иностранного формирования не зависел от его численности. Так, формирования из самого большого контингента добровольцев – граждан СССР – только за редким исключением имели статус выше среднего, что можно объяснить резко негативным отношением Гитлера и высшего нацистского руководства к славянам вообще. Напротив, британские и шведские добровольцы (их численность соответственно равнялась 60 и 130 чел.) имели статус несравнимо выше своей боевой ценности, так как их действительная ценность заключалась в том пропагандистском эффекте, который они могли произвести на своих соотечественников или врагов Германии [10].

Вообще же статус иностранного добровольческого формирования зачастую не был постоянным. Обычно его изменение происходило вследствие эволюций в германской национальной политике, когда военно-политическое руководство третьего рейха решало использовать свое благожелательное отношение к тому или иному народу. Это отношение было сильно дифференцированным и зависело от политической ситуации на данном этапе войны.

Стремление нацистского военно-политического руководства привлечь на свою сторону мусульманские народы являлось результатом такой дифференцированной национальной политики. И создание мусульманских формирований как одной из категорий иностранных добровольческих формирований является важной ее стороной.

Необходимо отметить, что в данном случае понятие «мусульманские формирования» является аналогичным понятию, например, «добровольческие формирования из германских народов». То есть, в процессе их создания главную роль играли все-таки национальные, а не религиозные, мотивы. Последние же служили больше целям пропаганды. Лучше всего эти цели были определены в разговоре Гимmlера с министром пропаганды Германии Й. Геббельсом. В этом разговоре Гимmlер заявил, что *«не имеет ничего против ислама, потому что он обещает мусульманам рай, если они погибнут в бою, - то есть эта религия очень прагматическая и привлекательная для солдат!»* [11]. Заявление более чем символическое. Дело в том, что все высшее руководство третьего рейха и СС любило бравировать своей крайней антирелигиозностью.

Тем не менее, политические предпосылки создания мусульманских формирований, вся логика и история взаимоотношений Германии с мусульманским миром, говорит о том, что в системе иностранных добровольческих формирований это была отдельная категория добровольцев.

Однако, как и иностранные добровольческие формирования, вообще, мусульманские части также не были однородны по своему составу и статусу. Взяв за основу национальный признак, время и место их создания, можно выделить следующие категории:

- добровольческие формирования из арабов Ближнего и Среднего Востока и Северной Аф-

рики и представителей мусульманских народов Индии;

- добровольческие формирования из балканских мусульман;
- добровольческие формирования из мусульман – граждан СССР.

Что же касается их статуса, то мусульманские формирования стояли гораздо выше многих других иностранных формирований. Он был только немного ниже статуса германских, казачьих и хорватских частей, но, зато гораздо выше, чем у частей из славянских, восточноевропейских и некоторых западноевропейских народов. Так, например, имперский министр по делам оккупированных восточных областей А. Розенберг в своей докладной записке «Вопрос о кавказских воинских частях», составленной 27 марта 1942 г., писал: *«Можно уже сказать, что использование кавказских воинских частей Великогерманской империей произведет глубочайшее впечатление на эти народы, в частности, когда они еще узнают, что только им и туркестанцам фюрер оказал эту честь»* [12].

История национальной политики третьего рейха в период второй мировой войны свидетельствует о том, что статус того или иного народа и соответственно добровольческих формирований, укомплектованных его представителями, только повышался. Иначе и быть не могло. Приближаясь к своему краху, гитлеровская Германия все больше нуждалась в, пусть даже фиктивных, но союзниках. И этот процесс убыстрялся по мере того, как ее покидали союзники настоящие.

Обычно повышение статуса какого-либо добровольческого формирования (в том числе и мусульманского) происходило первоначально в политической сфере, и было связано с признанием правительством Германии какого-либо «национального комитета» «полномочным представителем» или «временным правительством» данного народа. При этом все добровольческие формирования, укомплектованные представителями этого народа, объявлялись «национально-освободительной армией» и получали статус союзника Германии. Но так как эти формирования были разбросаны по всем фронтам, собрать их вместе до конца войны не удавалось и все решения о создании «национально-освободительных армий» оставались на бумаге [13]. Прежде всего это касается добровольческих формирований из представителей народов СССР, в том числе и мусульманских. Например, в 1945 г. немцы подобным образом попытались создать «Национальную армию Туркестана», «Кавказскую национально-освободительную армию» и Вооруженные силы Комитета освобождения народов России [14].

После повышения политического статуса иностранного добровольческого формирования, обычно происходило повышение и его военного статуса, как среди таких же иностранных формирований, так и в системе германских вооруженных сил. Об этом можно было судить по следующим признакам.

Во-первых, происходило укрупнение (обычно до уровня дивизии/корпуса) частей с однородным национальным составом. Так, например, предопределяя на начальном этапе войны создание иностранных добровольческих формирований численностью не более полка, а в исключительных случаях и батальона, немцы исходили из опасения, чтобы они не могли оказывать давление на немецкие власти, если эти формирования находились, например, в тыловом районе. Или, что бы не взбунтовались и не открыли фронт врагу, если это была боевая часть [16]. Однако уже ближе к концу войны немецкое командование, наоборот, было заинтересовано в создании более крупных добровольческих формирований. Так, сформированный в ноябре-декабре 1943 г. 1-й Восточно-мусульманский полк СС уже в октябре 1944 г. был реорганизован в часть бригадного типа – Восточно-тюркское соединение СС [15].

Во-вторых, тот или иной статус формирования также зависел от степени доверия немецкого командования к его личному составу. Обычно это выражалось в соотношении немецкого и национального кадрового персонала. Так, например стандартный полевой батальон любого так называемого восточного легиона, которые комплектовались из добровольцев – мусульман Кавказа, Закавказья и Средней Азии, согласно «Постановлению для формирования восточных легионов» от 24 апреля 1943 г., должен был иметь 37 человек немецкого кадрового персонала на 800-900 человек добровольцев [17]. Тогда, как в уже упоминавшемся Калмыцком кавалерийском корпусе, имевшем очень высокий статус, в марте 1943 г. было 6 человек немцев на 2200 калмыцких добровольцев [18].

И, наконец, *в-третьих*, повышение статуса формирования было связано с изменением его номенклатуры в системе германских вооруженных сил и теми знаками различия и символикой, которые были приняты в этом формировании. Подобная практика имела место и в вермахте, но прежде всего это касается частей и соединений войск СС, для приема в которые огромную роль играли так называемые «расовые стандарты».

Согласно этим стандартам все легионы, полки, бригады и дивизии войск СС, набранные из иностранных добровольцев, делились на:

- «добровольческие», укомплектованные так называемыми «фольксдойче» – лицами немецкой национальности, которые до 1 сентября 1939 г. проживали за границами Германии - не гражданами третьего рейха. В номенклатуре части это обозначалось, например, так: 7-я добровольческая горно-егерская дивизия СС «Принц Евгений» (*7. SS-Freiwilligen-Gebirgsjäger-Division "Prinz Eugen"*);
- «добровольческие», укомплектованные представителями германских народностей. В номенклатуре части это обозначалось, например, так: 23-я добровольческая моторизованная дивизия СС «Нидерланды» (*23. Freiwilligen-Panzer-Grenadier-Division "Nederland"*);
- части войск СС, укомплектованные представителями негерманских народностей. В номенклатуре части это обозначалось,

например, так: 21-я горно-егерская дивизия войск СС «Скандербег» (албанская №1) (*21. Waffen-Gebirgsjäger-Division der SS "Skanderbeg" (albanische Nr.1)*) [19].

Первые две категории иностранных частей войск СС имели высокий статус и фактически приравнивались к таким дивизиям СС, как «Адольф Гитлер», «Рейх» и «Мертвая голова», набранными среди «рейхсдойче» – лиц немецкой национальности - граждан третьего рейха.

В случае же с последней категорией частей СС имелось в виду, что эти добровольцы находились, как бы на службе у СС, а не в самих СС. Согласно правилам им запрещалось ношение на воротнике петлиц с эсэсовскими руническими знаками («сдвоенные молнии»). Для них были введены петлицы со специальными эмблемами, обычно отражающими историческую традицию появления того или иного формирования [20]. Кроме того, настоящим членом СС считался только тот, кто имел приставку «СС-» в дополнение к своему званию. Например, *СС-штурмбаннфюрер* в «добровольческой» дивизии СС в просто дивизии войск СС имел приставку «*Ваффен-*» [21].

Как говорилось выше, при рассмотрении статуса иностранных добровольческих частей следует также учитывать тот факт, в составе какого рода или вида войск они были сформированы. Так, войска СС считались неизменно выше по статусу, чем вермахт. Поэтому передача формирования из-под юрисдикции Верховного командования вермахта (ОКВ) или Верховного командования сухопутных войск (ОКХ) в распоряжение Главного управления СС также свидетельствовало о повышении статуса его личного состава. Например, 8 августа 1944 г. Индийский легион вермахта был передан в СС и стал называться Индийский добровольческий легион войск СС, что подняло его, и без того, достаточно высокий статус [22].

Поскольку немецкая национальная политика изменялась постепенно, были постепенными и вышеуказанные изменения в статусе того или иного иностранного добровольческого формирования. Как правило, они находили свое отражение в нормативных документах различных органов командования германских вооруженных сил, имевших дело с иностранными добровольческими формированиями. Вот, например, как происходило изменение статуса одной из категорий мусульманских формирований – уже упоминавшихся восточных легионов.

Так, приказом ОКХ сил за № 2380/42 от 2 июня 1942 г. были утверждены воинские звания и знаки различия восточных легионов. Всего было установлено 8 званий по занимаемым должностям: начиная от легионера (рядовой) и заканчивая командиром батальона [23]. Этот приказ свидетельствует о том, что бойцы этих легионов пока что имели очень низкий статус в германских вооруженных силах, так как у них даже не было персональных воинских званий.

Убедившись в боеспособности и лояльности этих формирований, германское командование несколько повысило их статус. Результатом этого явилась инструкция начальника Генштаба сухопутных войск генерал-полковника Ф. Гальдера за

**МУСУЛЬМАНСКИЕ ФОРМИРОВАНИЯ В ВЕРМАХТЕ И ВОЙСКАХ СС (1941 – 1945).
К ВОПРОСУ О ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ СТАТУСЕ ИНОСТРАННЫХ ДОБРОВОЛЬЦЕВ В
ГЕРМАНСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ**

№ 8000/42 от 17 августа 1942 г. «Положение о местных вспомогательных формированиях на Востоке». В этой инструкции все добровольческие формирования из граждан СССР были разделены по категориям, согласно их политической благонадежности и боевых качеств. Так, представители «тюркских народностей» и казаки выделялись в отдельную категорию «равноправных союзников, сражающихся плечом к плечу с германскими солдатами против большевизма в составе особых боевых частей», таких как «туркестанские» батальоны, казачьи части и крымско-татарские формирования [24]. Для сравнения следует сказать, что это было в то время, когда представители славянских и даже прибалтийских народов должны были использоваться лишь в составе охранных, транспортных и хозяйственных частей вермахта.

А уже 29 апреля 1943 г. новый начальник Генштаба генерал-полковник К. Цейтцлер подписал новый приказ, дополняющий предыдущий, - № P/500/43 «Местные вспомогательные силы на Востоке – добровольцы». В нем все, «добровольно перешедшие на немецкую сторону», объявлялись «не военнопленными, а добровольцами». За ними сохранялись их персональные воинские звания, которые они получили в Красной Армии, и устанавливалась, согласно этим званиям, категория льгот. Помимо этого им предоставлялась свобода выбора: остаться в составе какой-нибудь германской части или выбрать «один из национально-освободительных легионов» [25].

29 мая 1943 г., в соответствии с приказом организационного отдела Генштаба сухопутных войск за № 14124/43, все введенные ранее звания были заменены персональными, «закрепившимися за их обладателями вне зависимости от занимаемой должности»: начиная от добровольца (рядовой) и заканчивая полковником. Приказом же от 29 декабря 1943 г. к ним прибавилось три генеральских чина: генерал-майор, генерал-лейтенант, генерал [26].

Приказом генерала-инспектора добровольческих формирований от 20 февраля и начальника организационного отдела Генштаба сухопутных войск от 14 марта 1944 г. на личный состав восточных легионов распространялась германская система воинских званий [27].

Эти последние мероприятия свидетельствовали о том, что за личным составом восточных легионов отныне был официально закреплён статус, если и не равный статусу немцев, то, во всяком случае, одинаковый со статусом бойцов иностранных добровольческих формирований, набранных из «нордических» народов.

В **заключении** следует сказать, что иностранные добровольческие формирования вообще, и мусульманские части и соединения, в частности, представляли собой отдельную категорию в составе германских вооружённых сил. Об этом наиболее красноречиво свидетельствует их статус – то правовое положение, которым они обладали в силу целого ряда причин, главной из которых следу-

ет признать их национальную принадлежность. Анализ немецкой национальной политики, нашедшей свое отражение в нормативных документах германского военно-политического руководства, свидетельствует о том, что статус иностранных добровольцев мог и изменяться (зачастую, в сторону повышения). Причина тому – эволюция взглядов руководителей третьего рейха на национальный вопрос и «расовую полноценность» каждого конкретного народа под воздействием той или иной политической конъюнктуры. Как правило, об изменении статуса свидетельствовал целый комплекс признаков.

Что же касается *перспектив* дальнейшего исследования данной темы, то они, на наш взгляд, более чем значительны. Данная статья только начало и не претендует на полноту в освещении вопроса, а только лишь определяет основные направления в исследовании данной проблемы. Помимо этого, в числе положительных моментов, способствующих изучению данной темы, следует назвать обилие литературы по вопросам создания и использования иностранных добровольческих формирований в германских вооружённых силах; массу новых источников, введенных за последнее время в научный оборот; а также благоприятный политический и общественный «климат», способствующий ее непредвзятому анализу.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Категории иностранных добровольцев представлены здесь в хронологическом порядке относительно времени возникновения и расположены по степени понижения их статуса в каждой категории.
2. Цит. по: *Уильямсон Г. СС – инструмент террора.* – Смоленск: Русич, 1999. – С 194.
3. Государственный архив Российской Федерации, Москва, РФ, ф. Р – 5761, оп. 1, д. 9, л. 200-201; д. 17, л. 1-18; *Dallin A. German Rule in Russia 1941 – 45: A Study of occupation policies.* – London: McMillan; New York: St. Martin's Press, 1957. – P.301.
4. Bundesarchiv-Militärarchiv, Freiburg, Deutschland (далее - BA-MA), Kommandierender General der Sicherungstruppen und Befehlshaber im Heeresgebiet Süd, 39502/33, bl.18.
5. *Hoffmann J. Deutsche und Kalmuken 1942 bis 1945.* – Freiburg: Rombach Verlag, 1974. – S. 92-93.
6. «Хиви» - «добровольный помощник» (от нем. *Hilfswilliger; Hiwi*).
7. *Штрик-Штрикфельдт В.К. Против Сталина и Гитлера.* – М.: Посев, 1993. – С. 117.
8. *Уэст Р. Иосип Броз Тито: власть силы.* – Смоленск: Русич, 1997. – С. 163.
9. Следует признать, что политическое руководство третьего рейха довольно часто использовало миф о «германских корнях» того или иного народа как инструмент политического влияния на своих союзников. Так, помимо казаков и хорватов, в «арийцы» были также «произведены» албанцы. По словам американ-

- ского историка А. Муньоса, в ходе организации 21-й горно-егерской дивизии войск СС «Скандербег» (1943), муслировались слухи, что «албанцы имеют арийское происхождение» (*Munoz A. Forgotten Legions: Obscure Combat Formations of the Waffen-SS*. – New York: Axis Europa, 1991. – P. 229). В целом, признание «арийским» того или иного народа, также является одним из признаков повышения статуса добровольцев из числа его представителей.
10. *Уильямсон Г.* Указ. соч. – С. 208, 252-253.
 11. Цит. по: Там же. – С. 232.
 12. *Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками*: Сб. материалов: В 3 т. / Под ред. Р.А. Руденко. – М.: Юридическая литература, 1966. – Т.2. – С. 212-219.
 13. *Persönliches Archiv des Joachim Hoffmann, Ebringen, Deutschland* (далее – PAJH), Reichsminister Rosenberg an Georgischen Verbindungsstab. – 17.3.1945 // Intelligence Division. – DRS (51)42. – P. 1.
 14. *Дробязко С.И. Восточные легионы и казацкие части в вермахте*. – М.: АСТ, 1999. – С. 4.
 15. *Драмбян Т.С. Они сражались за Францию*. – Ереван: Изд-во Ереванского ун-та, 1981. – С. 139.
 16. PAJH, The “Osttürkischer Waffenverband”. The Use by the Germans of soviet Nationals against the Soviet Union in the Late War // Intelligence Division. – DRS (51)29. – P. 1-17.
 17. *Besitz des Militärgeschichtlichen Forschungsamtes, Potsdam, Deutschland, Seraphim H.-G. Kaukasische und Turkvölkische Freiwillige im deutschen Heer*. – 1948. – S. 1-37.
 18. BA-MA, Kommandierender General der Sicherungstruppen und Befehlshaber im Heeresgebiet Süd, 39502/33, bl.17-18; 444. Sicherungsddivision, 35770/4, bl.11.
 19. *Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933 – 1945*: В 3 т. – М.: Воениздат, 1976. – Т.3. – С. 405.
 20. *Уильямсон Г.* Указ. соч. – С. 384-385.
 21. Там же. – С. 197-198.
 22. *Littlejohn D. Foreign Legions of the Third Reich*: In 4 vols. – San Jose, 1987. – Vol.4. – P. 127.
 23. BA-MA, Oberkommando der Heeresgruppe A, RH 19 V/111, bl.12.
 24. *Ibid*, Oberkommando des Heeres / Generalstab des Heeres, H 1/524, bl.8-11.
 25. Государственный архив Автономной республики Крым, Симферополь, Украина, ф. П – 151, оп. 1, д. 391, л. 119-119об.
 26. *Дробязко С.И.* Указ. соч. – С. 18.
 27. BA-MA, Oberkommando des Heeres / General der Freiwilligen-Verbände, RH 2/2728, bl.16-18.

Хиллиг Г., Окса Н.Н. К ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КОЛОНИИ ИМ. М. ГОРЬКОГО

О колонии им. М. Горького – всемирно известной педагогической лаборатории А.С. Макаренко, написано много. Однако основным источником информации о первых шагах ее становления остается литературно-художественное произведение – «Педагогическая поэма».

В этой статье, учитывая изложенные в «Поэме» события, на основании уже известных и недавно обнаруженных источников, рассматриваются особенности организации, заселения и названия полтавской колонии.

1. «Новый человек» – *благотворительная цель соювоса*. В прологе к «Педагогической поэме» речь идет, как известно, о «разговоре с завгубнаробразом» в сентябре 1920 г., во время которого педагог получил задание организовать колонию для малолетних правонарушителей. Как свидетельствует вдова Макаренко, он написал пролог лишь после остальных начальных глав, по теперешней нумерации со второй до девятой [1, с.110-122], видимо в 1933 году. В первой главе дословно можно прочесть:

«– Ну а если я и в самом деле напугаю?»

Завгубнаробразом стукнул кулаком по столу:

– Да что ты мне: напугаю, напугаю!.. Ну, и напугаешь. Чего ты от меня хочешь? Что я не понимаю, что ли? Пугай, а нужно дело делать. Там будет видно. Самое главное, это самое... не как-нибудь там колония малолетних преступников, а, понимаешь, социальное воспитание... Нам нужен такой человек вот... наш человек! Ты его сделай. Все равно, всем учиться нужно. И ты будешь

учиться. Это хорошо, что ты в глаза сказал: не знаю. Ну и хорошо» [2, с.9].

Прототипом завгубнаробраза являлся А.М. Мизерницкий, который в 1920 году действительно занимал названный пост, однако вскоре, после открытия колонии, как об этом подчеркнуто в «Поэме», исчез из Полтавы, «уехал куда-то на другую работу» [2, с.19]. Но он был не «рабочим-выдвиженцем», как делает вывод из книжного диалога Е.З. Балабанович [3, с. 214], а образованным интеллигентом. Об этом свидетельствует личное дело политического деятеля, а также воспоминания Н.Н. Миронова: «Трудно себе представить, чтобы высокоинтеллигентная парторганизация Главсоювоса могла избрать своим секретарем такого тупого мужлана, – как его изобразил А.С. Макаренко в «Педагогической поэме». Образ Полтавского завгубно – некультурного грубияна – никак не соответствует тому, каким Мизерницкий был в Главсоювосе – культурным, выдержанным, вполне грамотным» [4, с.26].

Карьера Мизерницкого в Наркомпросе УССР, киевском губнаробразе, профсоюзе «Робос» и Наркомтруде УССР, а также его дальнейший спуск вниз по служебной лестнице (работа директором совхоза и Зоотехнического института), возможно и его принудительное «пугешествие» на Кузбасс в 1933 году [см.: 4, с.23-32], автору «Педагогической поэмы» во время написания пролога была хорошо известна, поэтому получился такой «пролетаризированный» персонаж.

«Наш человек» завгубнаробразом, по мака-